

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2016), 285–294
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2016), 285–294
© Автор(ы) 2016

ЯЗЫК ПОСЛАНИЯ АФОНСКОГО СТАРЦА МАКСИМА ГРЕКА ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ РУСИ ВАСИЛИЮ ИВАНОВИЧУ (к 1000-летию основания русского православного монашества на Афоне)

С.Г. Шулежкова

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
shulezkova@gmail.com*

Аннотация. За 1000 лет существования русского православного монашества на Афоне Русь не прекращала конфессиональных контактов с Грецией и центром ее монастырей. Одна из самых ярких страниц в истории этих взаимоотношений – приезд в Московию в первой четверти XVI в. Максима Грека, который в России проявил себя как выдающийся писатель, переводчик и богослов. В статье сосредоточивается внимание на малоизученной стороне наследия афонского инока – на особенностях языка одного из его первых оригинальных произведений, написанных по-русски. Материалом исследования послужило Послание царю Василию Ивановичу, которым Максим Грек сопровождал перевод Толковой Псалтыри. Толковая Псалтырь была опубликована только один раз, в 1897 г. Ее язык ждет своих исследователей, однако основным переводческим принципам, выработанным в ходе подготовки славянского текста Толковой Псалтыри, Максим Грек следовал затем неукоснительно. Это ориентация высокого книжно-славянского стиля русского литературного языка на нормы древнейших славянских текстов, близких к Кирилло-Мефодиевским переводам, и умеренная русификация. Данные принципы Максим Грек распространил и на оригинальные свои произведения. На фонетическом уровне это проявилось в отсутствии слов с полногласиями, с начальными восточнославянскими ро-, ло-, в регулярном использовании **щ** на месте *t+j и пр.; на морфологическом – в активном использовании устаревших падежных форм именных частей речи; на синтаксическом – в обилии архаических средств связи, в употреблении дательных самостоятельных оборотов. Умеренная русификация коснулась фонетического облика ряда антропонимов, сказалась на лексико-фразеологическом составе Послания в тех его фрагментах, где отражаются реалии русской жизни. Выполненное в стиле «плетения словес», это произведение отразило основ-

Шулежкова Светлана Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: shulezkova@gmail.com

ные тенденции развития славянской разновидности русского литературного языка эпохи усиления Руси, осознававшей себя оплотом православия.

Ключевые слова: Максим Грек, Русь, Послание, Псалтырь, норма, литературный язык

Введение

1000-летний юбилей русского монашества на Афоне, который широко отмечается и в России, и в Греции, – подходящий повод для того, чтобы вспомнить о замечательных деяниях одного из афонских старцев греческого происхождения, ставшего выдающимся русским писателем XVI столетия. Пять веков тому назад произошло событие, в котором для отечественной истории как будто бы не было ничего экстраординарного. Великий князь всея Руси Василий Иванович, осознававший себя защитником православия, главой страны, претендовавшей на роль наследницы Византии, отправил на Афон, в Грецию, чьи земли уже более полувека находились под гнетом Османской империи, посольство. Помимо прочих дел, русским послам было велено доставить в Москву ученого монаха для перевода с греческого языка на русский Толковой Псалтыри. Итогом успешных переговоров с монахами Ватопедского монастыря стало прибытие в Москву инока Максима Грека, успевшего прославиться своей ученостью не только в родной обители, но и в целом на Афоне, который издавна служил прибежищем для христиан-отшельников¹. В Средние века, до захвата турками Константинополя, контакты между славянскими странами и Византией были обычным явлением. Д.С. Лихачев пишет о том, что для славян того времени была типичной «подвижность интеллектуальной части феодального класса. Эта подвижность имела за собой общие основания в виде единой для всех южных и восточных славян церковной ориентации, наличия многочисленных центров общения славянства – монастырей Афона, Константинополя, Иерусалима, Синая и других, существования общего языка и, в конечном счете, общей культуры-посредницы»². Культурные контакты, зародившиеся во времена расцвета Византийской империи, продолжались и в XVI в. Сердцевиной славянской «рецензии» византийской культуры была литература, состоявшая в значительной части из переводных сочинений. Русичи, как и другие славянские народы, освоившие понятный для них язык просветителей Кирилла и Мефодия, «не были провинциальными самоучками, ограниченными местными интересами и местными традициями. Через Византию и другие страны они дышали воздухом мировой культуры. Они развивали свою общую и местные культуры на гребне общеевропейского развития»³. И одним из величайших достижений русской культуры в результате такого тесного взаимодействия стал русский литературный язык, пропитанный соками кирилло-мефодиевских переводов.

Переводческая и собственно литературная деятельность Максима Грека в Московии проходила в условиях укрепления позиций книжно-славянской разновидности русского литературного языка. Афонский старец принял активнейшее участие в культурном строительстве восточнославянского государства и стал на

¹ См. о судьбе Максима Грека в кн.: Ковтун, Сеницына, Фонкич 1973; Сеницына 1977; Лихачев 1983, 337–339; Сеницына 2008; Столярова 2012.

² Лихачев 1973, 31–33.

³ Лихачев 1973, 34.

Руси одним из самых авторитетных писателей и богословов. Его перу принадлежит около 350 переводных и оригинальных сочинений.

Послание Великому князю всея Руси Василию Ивановичу⁴ было написано в честь окончания работы над переводом Толковой Псалтыри, ради которой и был приглашен Максим Грек в Москву. Многих «потов» стоил этот труд и самому посланцу Ватопедского монастыря, и его «причастникам» – русским толмачам и каллиграфам, – а также братьям во Христе, сопровождавшим его из Греции в «варварскую Русь». Завершив этот труд, Максим Грек считал свой долг перед Великим князем и перед Московией выполненным. Он ожидал достойного вознаграждения и прежде всего разрешения вернуться в родной монастырь. Этими чувствами пронизан весь текст внушительного Послания, сыгравшего одновременно и роль предисловия к прекрасно осуществленному рукописному переводу Толковой Псалтыри.

К XVI в. предисловия различных книг, имевших хождение в славянских странах, сложились как особый литературный жанр. Как верно заметил А.С. Демин, даже на примере «дошедших древнерусских четых рукописей XI–XII вв. можно увидеть, что предисловия являлись относительно самостоятельной частью рукописных книг», а в их роли могли выступать не только прологи, поучения, но и послания⁵. Известная исследовательница творчества Максима Грека Л.И. Журова, подготовившая к изданию его авторские тексты с основательным научным комментарием⁶, пишет: «Самым популярным жанром публицистики XVI в. было послание, часто открытое послание, переходящее в трактат»⁷. Предисловие, выполненное в форме послания, – оригинальное творение. И если Толковая Псалтырь, преподнесенная в дар царю Василию III, была творчески выполненным переводом целого коллектива сотрудников, которым руководил приезжий ученый муж, то Послание, предваряющее ее текст, – это одно из первых светских сочинений, написанных Максимом Греком на некогда чуждом ему книжном языке Московской Руси. Данные обстоятельства в сочетании с жанровой выдержанностью способствовали тому, что у Послания к великому князю Василию Ивановичу сложилась более счастливая судьба, чем у основного текста Толковой Псалтыри. Послание начало «путешествовать» по различным рукописным сборникам в отрыве от произведения, во имя которого было создано⁸. Не случайно в 2008 г. оно было опубликовано в составе нового издания сочинений на основе тщательного анализа 12-ти дошедших до нас списков⁹. В данной статье в качестве основного источника используется тот вариант Послания, который предпослан пока единственному изданию «Толковой псалтыри» (Толковая псалтырь 1897).

Для исследователя творчества Максима Грека Послание 1522 г. представляет особую ценность. В нем можно обнаружить реализацию основных принципов нормализации книжно-славянской разновидности русского литературного языка выдающегося писателя Московской Руси XVI в. Эти принципы были определены Максимом Греком в процессе перевода с древнегреческого языка на «русский»

⁴ Послание 1522.

⁵ Демин 1981, 13.

⁶ Журова 2008, 2011.

⁷ Журова 2012, 195.

⁸ См. о судьбе переводов и посланий Максима Грека в кн.: Буланин 1984.

⁹ Максим Грек 2008, 159–166.

самого объемного из всех сочинений, переводами которых он занимался в Москве. Работа над Толковой Псалтырью потребовала от ученого-полиглота не только широчайшей исторической, философской, филологической эрудиции, но и эстетического вкуса, и лингвистического чутья. За очень короткий срок Максим Грек сумел оценить необычайное богатство церковнославянского языка русского извода, а также гибкость, образность, красоту и выразительность русской разговорной речи. Нормализация книжно-славянской разновидности русского литературного языка с опорой на кирилло-мефодиевские традиции в их афонской разновидности и умеренная русификация стали основными ориентирами не только переводов ватопедского старца, но и его оригинальных сочинений, что подтверждает язык анализируемого Послания, где эти ориентиры прослеживаются на всех уровнях: фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексико-фразеологическом.

При этом автор опирается на кирилло-мефодиевскую языковую систему с учетом ее трансформации, которую она претерпела за пять веков адаптации на восточнославянской почве, превратившись в церковнославянский язык русского извода. Так, например, около 150 раз в тексте Послания употреблены лексемы, в состав которых входят морфемы с неполногласными сочетаниями, характерными для старославянского языка. И ни разу автор не использовал восточнославянских параллелей к этим словам: *благыхъ, владыкоу, возвращеніе, в праздньствѣ, враждова, времени, время, гласа, изгласи, кратка, непререкаемое, нравы, от подвластных, повреди, прахъ, пребысть, предложи, предстателей, прежде, прелесть, преложеніе, премиріе, преславнѣиша, скращеннѣ, сладости, хранилище* и т. д.

С такой же неукоснительностью Максим Грек следует южнославянским нормам в отношении начальных корневых и приставочных сочетаний *ра-*, *ла-*. В тексте Послания читатель не встретит слов с начальными русскими *ро-*, *ло-*, если у них есть южнославянские параллели с *ра-*, *ла-*. Ср., например: в *разоуменіи, неразумно, по разумоу, работы, равно, различіе, различными, различныхъ, разсыпаемымъ, разсѣана, разумъ, разумныхъ, растленна, растлить, оуразоумѣти* и пр.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в Послании следов восточнославянского *ч* на месте общеславянских *t+j или *gti, kti. Везде в соответствующих случаях употребляется *щ* как южнославянский результат палатализации. См., например: *бѣдоушымъ, внимающе, вовреши, возвращеніе, возвращымсѧ, дышающа, единосѣицемъ, защищахоу, истекаюшымъ, мощи* ('мочь'), *просвѣщено, свѣтѣлицаго, сѣща, сѣщество, сѣщымъ, сходѣща* и пр.

Как типично южнославянское следует рассматривать и начальное *је-* в корнях языковых единиц, где у восточных славян в результате второй лабиализации возник *о*, и начальное *а*, соответствующее восточнославянскому *ја*. Из слов с начальным *је* в тексте Послания чаще всего фигурирует многозначная лексема *единъ*: *Ѡ одинаго <...> нач(ѧ)ла ѡбоѧ исходѣща; Ѡ перваго ѣбо і одинаго <...> и ц(а)рства помазаніе сходѣще; призываль <...> савѣ некоего одинаго сѣщѣ Ѡ <...> честныхъ с(ѧ)щенникъ; по лѣтъ едином и пѣти м(ѣ)сѣцехъ сподобивсѧ в конецъ изнести; повѣдающе бо ѡ единомъ нѣкомъ; единымъ словомъ <...> сокровище извити* и пр. Данью церковнославянской традиции можно признать употребление союза *акы* с начальным *а*: *акы в нѣкомъ зерцалѣ <...> показуеть, акы прахъ разсыпаемымъ, акы чловѣкъ ростію побѣженъ; акы разѣма дебелостію*

несѣще, акы благотворца восхвалѡют тѡ (6 случаев), – а также использование форм, отражающих действие 2-й и 3-й палатализаций со свистящими согласными на месте заднеязычных согласных: в <...> зерцалѣ, в ковчезѣхъ, вл(ады)цѣ, воздвизает, во иноцѣхъ, во подвижѣхъ, в чл(овѣ)цѣхъ, нарицаніе, нарицатисѡ, начѡльницы, нѣцѣи, о книзѣ, по грѣсѣ, сладцѣ, стѡзающымсѡ, тѡжцѣ и др.

Доказательством избирательной, умеренной русификации книжно-славянской разновидности литературного языка на фонетическом уровне могут служить последовательное использование в Послании восточнославянских вариантов, отражающих следствие смягчения зубного согласного *d под влиянием *j [(воз)воженіе, воѡрѡженіе, воѡрѡжены, воѡрѡжити, в разоуженіи, всаженаго, по возвоженію, к превоженію, надежа, наслажатисѡ, наслаженіе, на оутверженіе, неудоь разоужаемо, оружіе, овобоженымъ, ѿ невѣжества, побѣженъ, преже, роженіа, оусласѡ), а также явное доминирование начального *а* на месте южнославянского *га* на 6 случаев употребления формы союза *акы* приходится около 40 случаев использования формы *такѡ*; *такѡ же преди рѣхъ*; *оудивисѡ* <...> *такѡ ѡслѣ*; *ересь защищахоу, такѡ ѡтрока имъ прилагаема сужена бывша аѡанасіа; ко мнѣ видитсѡ; Въдомо же такѡ вносѡтсѡ і другаго кирила толкованіа; такѡ же с(вѡ)щ(е)ннаѡ пѣс(нѣ) гл(агол)ет* и пр.

На морфологическом уровне книжно-славянские черты наиболее ярко проявляются через систему глагольных форм. В разговорном языке восточных славян перфект (без связки) уже в XIV в. фактически вытеснил некогда самую употребительную форму прошедшего времени – аорист. И именно аорист, как старый сигматический и несигматический, так и новый, использует Максим Грек. В самом начале Послания, ссылаясь на «великаго во царех Иустиніана», говорившего о неразрывной связи «священства» и «царства», дарованных Богом и исходящих «от единого начала», Максим Грек продолжает: *Истины ж сего б(о)ж(е)ственнаго слова многы образы бышѡ. і в ветхом завѣтѣ с(вѡ)щенников і ц(а)рей <...> Многы образы бышѡ і в новѣм завѣтѣ рекше селивестр папа, і константин ц(а)рь великий великий григорий б(о)гословъ. і ѡеодосій ц(а)рь великий...* Похвалы в честь великого князя всея Руси и митрополита Варлаама от имени всех «причастников» перевода Толковой Псалтыри автор предваряет фразой *Добрѣ оубо рѣхомъ*. Почти 70 раз аорист появляется на страницах Послания, из них более 30 случаев – формы 3-го лица ед. ч. (*бѣ, вниде, воздвиже, даде, дарова, доиде, избависѡ, извлече, ізгласи, изложи, исполнисѡ, нарече, наречесѡ, повреди, подарова, познасѡ, полоучи, при niche, разтлѣ, рече, сотвори, списа, оуготова, оудивисѡ, оумре* и пр.). Кроме того, примерно в равных пропорциях использованы формы 1-го лица ед. ч. (*рѣхъ, сподобихсѡ, соудихъ, оумыслихъ*), 1-го лица мн. ч. (*видѣхомъ, возмогохом, наоучихомсѡ, положихомъ, рѣхомъ, соскоудѣхомъ*), 3-го лица мн. ч. (*бѣшѡ, извлекошѡ, истолковашѡ, полоучишѡ, слышашѡ, списашѡ, стѡжашѡ*). В большинстве случаев аористные формы Послания обозначают действия, совершенные людьми, которые занимаются интеллектуальным трудом: читают, пишут, познают, комментируют, защищают определенные убеждения, осуждают чуждые для них догматы.

Гораздо реже использует Максим Грек формы имперфекта. Они появляются тогда, когда речь идет о взглядах, поступках, образе жизни философов, богословов, правителей из далекого прошлого: *Платон глаголаше; разоумъ нашъ <...>*

насыщашесѧ; мечь видѧшесѧ обоюдоу вѣстръ; дидим <...> каковъ бѣ достоинствомъ, и когда цвѣтѧше, извѣстнѣ не имамъ гл(агол)ати; аполинариу бо цвѣтѧше в та времена; три же тѣи мужы тогда ѡ единосѣцнѣмъ побарахоу противѣ иносѣцнаго зело вѣстѣхъ превозшедше иже преже і потомъ до мене ерьсѣ защищахоу; Астеріи же и тои единѣ познавашесѧ ѿ достигшихъ въ краиню премѣдрость; Исихіи же <...> когда цвѣтѧше не имѣю извѣстнѣ гла(гола)ти.

Нормализация в пользу церковнославянских традиций прослеживается в регулярном употреблении Максимом Греком окончания *-аго(-го)* у полных порядковых числительных, прилагательных и причастий мужского и среднего рода ед. числа: *ѿ перваго ѡбо і одинаго <...> помазаніе сходѧще, ѿ вышинаго чл(овѣ)-колюбіа дана, ѿ одинаго <...> нач(ѧ)ла исходѧща, наоученъ <...> ѿ свѣта словеснаго, кто <...> обрѧщесѧ <...> лѣше <...> Великаго і преславнаго князѧ всеѧ рѣси, имѣюща при себѣ правѧщаго архіерейскый престол, разоумнѣ ихъ приличнѣиши прор(о)чествѣ присвоившаго и т. д.* Окончания *-ого(-его)* в тексте Послания – редкое исключение (см., например: *богомудрыхъ мужеи <...> вкоупе собравшего, комаръ всѧкого наковал'на і млата превыше пребывает*).

Данью церковнославянским традициям следует признать и использование в Послании грамматических форм, которые в устной речи восточных славян уже могли восприниматься как архаизмы. К таковым относятся, например, регулярно проявляющаяся в исследуемом тексте способность кратких прилагательных и причастий склоняться и выступать в функции определений (ср.: *вносѧсѧ толкованіѧ кратка мѣжа благочестива і православна, даръ свершенъ свѣше естъ; того (Варлаама) слышѧша і оусерднѣиша обрѣтает*); употребление форм звательного падежа, которые соседствуют с формами именительного падежа в функции обращения: *Ты же ѡ честнаѧ б(о)гоу і нарочитѣ любима и ц(а)р(с)каѧ д(оу)ша. ц(а)ремъ оубо древнимъ равно славна <...> благочестивѣишии ц(а)рю <...> великий князь василіи івановичъ <...> Мнѣ же соуцымъ со мною братіи возвращеніе ко свѣтѣи горѣ за всѧ просѧщымъ даровати да изволиши <...> дароуи намъ ѡ самодержче благочестивѣишии <...> тамо свершити намъ г(оспо)д(е)ви иноческаѧ обещаніѧ.* В приведенном отрывке дважды обращение выражено существительными, стоящими в звательном падеже, что соответствует церковнославянским требованиям, и дважды – в именительном в соответствии с процессами, происходившим в старорусском разговорном языке.

Текст Послания содержит еще одно доказательство следования Максима Грека церковнославянским нормам – сохранение безударного *-и* в глагольном окончании *-иши* 2-го лица ед. числа и в инфинитивном суффиксе *-ти*: *изволишии, даровати, свершити. быти, възвѣстити, возлагати, воустроужити, воспріати, восходити, вѣдати, гла(гола)ти, заключаати, избилловати, извити, извлѧти, истерзати, исчитати, клѧсти, напаѧти, нарицатисѧ, объемлеши, отѧгчати, писатисѧ, повѣдати, полѣчити, поминати, превосходити, преложити, преносити, пріати, свершити, свободити, созидати, сотворити, спострадати, творити, оубити, оузришисѧ, ѡкарѧти, ѡкланѧтисѧ, оуподобитисѧ, витисѧ.*

Синтаксис Послания соответствует требованиям стиля «извития словес». Развернутые конструкции с преимущественным использованием церковнославянских средств связи, обилие предложений с обособленными членами различного типа, особенно – распространенных определений, выраженных причастны-

ми оборотами, обеспечивают тексту книжную тяжеловесность, торжественность, художественную напряженность. См., например, фрагмент Послания, в котором Максим Грек восторженно отзывается о переведенной им и его помощниками Толковой Псалтыри: *С(в)щенна книга сіа древними мѣжы вслѣчьскою премѣдростію і тажестію разоумѣніи, оукрашеными составлена, тако оучащена е(сть) по всемѣ б(о)год(оу)хновенною премѣдростію, и разоумѣніемъ высочаишимъ, ко не токмо мою превосходити силѣ, но і аще некоемѣ иже выше мене дана бы была, не бы оубо беспотовѣ і мнѣгаго трѣда оудобѣ преплаваема.* Такой синтаксис вполне допускает даже использование дательного самостоятельного оборота, характерной структуры рукописных славянских текстов религиозного содержания X–XI вв. Так, описывая обстоятельства, приведшие его в Москву, Максим Грек сообщает, как сам Великий князь с благословения митрополита Варлаама *«призывал (кстати, это единственный случай употребления перфекта в Послании!) ѿ ч(е)стныа ѡбители ватопеди. Савѣ нѣкоего единаго свѣцѣ ѿ иже в ней честныхъ с(в)щенникъ, но емѣ за старость ѿрекшюуса <...> вмѣсто того послан бысть писавый сіа.*

Высокая книжно-славянская разновидность русского литературного языка первой четверти XVI в. обеспечивалась соответствующим отбором лексико-фразеологических средств, и Максим Грек, рассуждая о вере, о власти земной и небесной, о святости и греховности, о монашеском служении, о долге правителя перед подданными, о жизни человеческой и смерти, о прочих волновавших его вещах, проявил жесткую последовательность, отдавая предпочтение предметным и атрибутивным языковым единицам, среди которых лидируют существительные с отвлеченными, абстрактными значениями. Текст Послания содержит примерно в пять раз больше предметных языковых единиц, нежели процессуальных. Отметим здесь лишь несколько особенностей словесного наполнения текста Послания:

1) большое количество сложных слов, отражающих один из продуктивнейших приемов словообразования в старославянском, а затем и в церковнославянском языке (*благодатію, благозаконіем, бл(а)госл(о)веніемъ, бл(а)гоч(е)стивѣшию, бл(а)гоч(е)стіе, б(о)говдохновенное, боговѣчанна, б(о)годарованное, б(о)год(оу)хновенных, богомѣдрых, богословствѣющимъ, богооуднѣ, богохранимому, в б(о)гословіи, велемѣдрыхъ, велелѣпнѣишии, великоименитый, в книгохранилицѣ, в предисловіи, вседивна, добродѣтель, естествословствѣющимъ, животворѣющимъ, іносказательно, краткословенъ, милосердѣишии, многолѣтнихъ, многоразличными, многостиховное, правоучителнымъ, ѡ единасвѣцнѣмъ, плодоносѣщими, православныхъ, пр(и)снопамѣтныхъ, ѿ многонаученнѣишихъ, свѣтосіаніемъ, трѣдолюбиваго, трѣдолюбнѣ, чл(овѣ)колюбіа, чл(овѣ)колюбца);*

2) обилие имен философов и богословов, имеющих отношение либо к содержанию Псалтыри, либо к ее толкованию (*Платонъ, Оригенъ, Дидимъ, Аполлинарїи, Григорїи Великїи, Василїи Великїи, Иванъ Златоустъ, Григорїи Нисскїи, Аѡанасїи Великїи* и др.); имен библейских персонажей (*Ааронъ, Давидъ царь, Моїсей пророкъ, Самоуиль пророкъ, Савѣ, Иисусъ Наввинъ* и др.), светских правителей прошлого (*Аркадий царь, Феодосїи царь великїи, Константинъ Великїи, Великїи Иоустинїанъ*) и церковных иерархов (*Аѡанасїи великїи александрьскїи предста-*

тель, Виктор пресвитер, Иоаннъ антїохїиский, Кирилъ александрьскїй предста- тель, Никола пресвитер, Севириан антїохїиский и др.);

3) наличие библейских устойчивых словесных комплексов (УСК) и УСК, сформировавшихся в христианской богословской литературе (*апостольское уче- нїе, арїанское неистовство, богодоухновенное писанїе, божїа слова, божїе даро- ванїе, внити в сердца, во славу божїю, день постриженїа, дїаволъ прелесть, до- уховное брашно, иноческаѧ обѣцанїѧ, отпоустити в миръ, положити стопы в поуть, православная вѣра, православныѧ догматы, премоудрости исполнена, согрѣшати Богу* и др.).

Заключение

Таким образом, в Послании царю Василию Ивановичу 1522 г., одном из пер- вых своих оригинальных сочинений, написанных на «русском», как он сам гово- рил, языке, Максим Грек показал образец высокого «плетения словес», в котором органично сочетались церковнославянские элементы и определенные восточно- славянские языковые черты. Принципы переводческой деятельности, которых придерживался посланец афонского Ватопедского монастыря, были реализованы им и в оригинальном сочинении. Язык Послания-посвящения царю, приложенно- го к переводу Толковой Псалтыри, отвечал духу времени, в котором жил и творил афонский старец. Стиль этого произведения находится в гармонии с общими тен- денциями развития русской культуры первой четверти XVI в. в целом и его ядра – книжно-славянской разновидности русского литературного языка. В условиях укрепления московского самодержавия, взявшего на вооружение идею «Москва – Третий Рим», славяно-русский язык претендовал «на исключительное значение в сфере высокой литературной идеологии. Величие литературного диалекта, отго- рожденного от повседневного делового языка и живой речи простых людей, должно было символизировать высоту новой политической идеологии и культурный блеск великорусского государства, выращенного из недр феодализма»¹⁰.

ЛИТЕРАТУРА

- Буланин, Д.М. 1984: *Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты*. Ленин- град.
- Виноградов, В.В. 1978: Основные этапы истории русского языка. В кн.: *История русского литературного языка. Избранные труды*. М., 10–64.
- Демин, А.С. 1981: Древнерусские рукописные книжные предисловия XI–XII вв. (на пути к массовому адресату). В кн.: *Русская старопечатная литература (XVI – первая чет- верть XVIII в.). Тематика и стилистика предисловий и послесловий*. М., 12–26.
- Журова, Л.И. 2008–2011: *Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции*: в 2 ч. Часть 1. *Исследование*. Новосибирск; Часть 2. *Сочинения*. Новоси- бирск.
- Журова, Л.И. 2012: Автор и читатель в русской публицистике XVI века (постановка про- блемы. *Вестник НГУ. Серия: история, филология* 12, 194–197.

¹⁰ Виноградов 1978, 32.

- Ковтун, Л.С., Сеницына, Н.В., Фонкич, Б.Л. 1973: Грек и славянская Псалтырь: (Сложение норм литературного языка в переводческой практике XVI в.). В кн.: *Восточнославянские языки: Источники для их изучения*. М., 99–127.
- Лихачев, Д.С. 1973: *Развитие русской литературы XI – XVII веков. Эпохи и стили*. Ленинград.
- Максим Грек, преп. 2008: *Сочинения*. Т. 1. М.
- Сеницына, Н.В. 1977: *Максим Грек в России*. М.
- Сеницына, Н.В. 2008: *Максим Грек*. М.
- Столярова, В. 2015: Он не боялся обличать самого царя. В кн.: *Православие и мир. Форум книги*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravmir>.

REFERENCES

- Bulanin, D.M. 1984: *Perevody I poslanija Maxima Greka: Neizdannyje texty*. Leningrad.
- Dyomin, A.S. 1981: Drevnerusskije rukopisnyje knizhnyje predislovija XI–XII vv. (na puti k massovomu adresatu). In: *Russkaja staropechatnaja literatura (XVI – pervaja chetvert' XVIII v.). Tematika i stilistika predislovij i posleslovij*. Moscow, 12–26.
- Kovtun, L.S., Sinicyna, N.V., Fonkich, B.L. 1973: Грек I slavyanskaja psal'tyr': (Slozhenije norm literaturnogo jazyka v perevodcheskoj praktike XVI v.). In: *Vostochnoslavyanskije jazyki: istochniki izuchenija*. Moscow, 99–27.
- Lichachev, D.S. 1973: *Razvitije russkoj literatury XI–XVII vekov. Epochy I stily*. Leningrad.
- Maxim Grek, prep. 2008: *Sochinenija*. Т. 1. Moscow.
- Sinicyna, N.V. 1977: *Maxim Grek v Rossii*. Moscow.
- Sinicyna, N.V. 2008: *Maxim Grek*. Moscow.
- Stolyarova, V. 2015: On ne bojalsya oblichat' samogo carya. In: *Pravoslavije i mir. Forum knigi*, <http://www.pravmir.ru>
- Vinogradov, V.V. 1978: Osnovnyje etapy istorii russkogo jazyka. In: *Istorija russkogo literaturnogo jazyka. Izbrannyje trudy*. Moscow.
- Zhurava, L.I. 2008–2011: *Avtorskij text Maxima Greka: rukopisnaja I literaturnaja tradicii: v 2 ch. Chast' I. Issledovanije*. Novosibirsk; Chast' II. *Sochinenija*. Novosibirsk.
- Zhurava, L.I. 2012: Avtor I chitatel' v russkoj publicistike XVI veka (postanovka problemy. *Vestnik NGU. Serija: istorija, filologija* 12, 194–197.

THE LANGUAGE OF MAXIMUS THE GREEK'S LETTER TO THE GRAND DUKE VASILIJ IVANOVICH (to a millennium of Russian orthodox monkhood on Mount Athos)

Svetlana G. Shulezhkova

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
shulezhkova@gmail.com

Abstract. In Ancient Rus St. Maximus approved himself as an outstanding writer, translator and theologian. The author of this article focuses her attention on a really understudied part of the monk's literary body – the language of his first original work in Russian. Maximus' Letter to the Grand Duke Vasiliy Ivanovich has served as language material for this research. The Letter went with the translation of the Psalter which was published only once in 1897. Maximus the Greek worked out his own translation principles and followed them strictly in the Psalter and

later works. The first principle was the orientation of elevated book style of Russian literary language to the language of ancient Slavic texts, closed to the very first translations of Kirill and Mefodiy. The second – moderate russification. At the phonetic level, it was shown in lack of words with pleophony, with initial East Slavic **рѡ–**, **лѡ–**, in regular use of **ѡ** on the place of ***t+j**, in prevalence of initial **а** over initial **ѡ** and so forth. At the morphological level – in active use of aorist and outdated case forms of nominal parts of speech. At the level of a sentence, the monk used a great amount of archaic conjunctions and dative absolute forms. Moderate russification concerned phonetic shape of some anthroponyms and affected lexicological and phraseological structure of the Letter in those its parts where Russian realities were depicted. The Letter reflected the main tendencies of development of elevated book style of Russian literary language in the period of Rus strengthening as Orthodoxy stronghold.

Key words: Maximus the Greek, Ancient Rus, Letter, Psalter, literary language, grammatical norm
